

ЛУЧШИЕ СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

А. Некрасов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
★ КАПИТАНА ★
ВРУНТЕЛЯ

«МАСТЫШ»

Андрей Сергеевич Некрасов
Приключения
капитана Врунгеля
Серия «Лучшие сказочные повести»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70845961

Приключения капитана Врунгеля. [юмористическая повесть]:

Издательство АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-163055-3

Аннотация

Андрей Сергеевич Некрасов (1907–1987) – русский писатель. Одно из самых его известных произведений – юмористическая повесть «Приключения капитана Врунгеля» о кругосветном путешествии бывалого моряка Христофора Бонифатьевича Врунгеля и его верных спутников, старшего помощника Лома и матроса Фукса. Отправляйтесь с этой веселой компанией в невероятное путешествие на яхте «Беда»!

В юности Андрей Некрасов и сам был матросом, побывал в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока, а потому знал о жизни мореплавателей не понаслышке.

Книга впервые выходит с иллюстрациями С. Бордюга и Н. Трепенюк.

Содержание

Глава I,	9
Глава II,	16
Глава III	26
Глава IV	42
Глава V	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Некрасов А.
Приключения
капитана Врунгеля
Юмористическая повесть

© Некрасов А. С., насл., 2024

© Бородюг С. И. и Трепенюк Н. А., ил., 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

ЛУЧШИЕ СКАЗОЧНЫЕ ПОВЕСТИ

Художники
С. Бордюг и Н. Трененок

А. Некрасов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАПИТАНА
ВРУНТЕЛЯ

«МАЛЫШ»

Глава I, в которой автор знакомит читателя с героем и в которой нет ничего необычайного

Навигацию у нас в мореходном училище преподавал Христофор Бонифатьевич Врунгель.

– Навигация, – сказал он на первом уроке, – это наука, которая учит нас избирать наиболее безопасные и выгодные

морские пути, прокладывать эти пути на картах и водить по ним корабли... Навигация, — добавил он напоследок, — наука не точная. Для того чтобы вполне овладеть ею, необходим личный опыт продолжительного практического плавания...

Вот это ничем не замечательное вступление послужило для нас причиной жестоких споров и всех слушателей училища разбило на два лагеря. Одни полагали, и не без основания, что Врунгель — не иначе как старый морской волк на покое. Навигацию он знал блестяще, преподавал интересно, с огоньком, и опыта у него, видимо, хватало. Похоже было, что Христофор Бонифатьевич и в самом деле избороздил все моря и океаны.

Но люди, как известно, бывают разные. Одни доверчивы сверх всякой меры, другие, напротив, склонны к критике и сомнению. Нашлись и среди нас такие, которые утверждали, что наш профессор, в отличие от прочих навигаторов, сам никогда не выходил в море.

В доказательство этого вздорного утверждения они приносили внешность Христофора Бонифатьевича. А внешность его действительно как-то не вязалась с нашим представлением о бравом моряке.

Христофор Бонифатьевич Врунгель ходил в серой толстовке, подпоясанной вышитым пояском, волосы гладко зачесывал с затылка на лоб, носил пенсне на черном шнурке

без оправы, чисто брился, был тучным и низкорослым, голос имел сдержанный и приятный, часто улыбался, потирал ручки, нюхал табак и всем своим видом больше походил на отставного аптекаря, чем на капитана дальнего плавания.

И вот, чтобы решить спор, мы как-то попросили Врунгеля рассказать нам о своих былых походах.

– Ну, что вы! Не время сейчас, – возразил он с улыбкой и вместо очередной лекции устроил внеочередную контрольную по навигации.

Когда же после звонка он вышел с пачкой тетрадок под мышкой, наши споры прекратились. С тех пор никто уже не сомневался, что, в отличие от прочих навигаторов, Христофор Бонифатьевич Врунгель приобрел свой опыт домашним порядком, не пускаясь в дальнейшее плавание.

Так бы мы и остались при этом ошибочном мнении, если бы мне весьма скоро, но совершенно неожиданно, не посчастливилось услышать от самого Врунгеля рассказ о его необычайно смелом кругосветном путешествии, полном опасностей и приключений.

Вышло это случайно. В тот раз после контрольной Христофор Бонифатьевич пропал. Дня через три мы узнали, что по дороге домой он потерял в трамвае галоши, промочил ноги, простудился и слег в постель. А время стояло горячее: весна, зачеты, экзамены... Тетради нужны были нам каждый день... И вот меня как старосту курса командировали к Врунгелю на квартиру.

Я отправился. Без труда нашел квартиру, постучал. И тут, пока я стоял перед дверью, мне совершенно ясно представился Врунгель, обложенный подушками и укутанный одеялами, из-под которых торчит покрасневший от простуды нос.

Я постучал снова, погромче. Мне никто не ответил. Тогда я нажал дверную ручку, распахнул дверь и... остолбенел от неожиданности.

Вместо скромного отставного аптекаря за столом, углубившись в чтение какой-то древней книги, сидел грозный капитан в полной парадной форме, с золотыми нашивками на рукавах. Он свирепо грыз огромную прокуренную трубку, о пенсне и помину не было, а седые, растрепанные волосы клочьями торчали во все стороны. Даже нос, хотя он действительно и покраснел, стал у Врунгеля как-то солиднее и всеми своими движениями выражал решительность и отвагу.

На столе перед Врунгелем в специальной стойке стояла модель яхты с высокими мачтами, с белоснежными парусами, украшенная разноцветными флагами. Рядом лежал секстант. Небрежно брошенный сверток карт наполовину закрывал сушеный акулий плавник. На полу вместо ковра распласталась моржовая шкура с головой и с клыками, в углу валялся адмиралтейский якорь с двумя смычками ржавой цепи, на стене висел кривой меч, а рядом с ним – зверобойный гарпун. Было еще что-то, но я не успел рассмотреть.

Дверь скрипнула. Врунгель поднял голову, заложил книжку небольшим кинжалом, поднялся и, шатаясь, как в шторм, шагнул мне навстречу.

– Очень приятно познакомиться. Капитан дальнего плавания Врунгель Христофор Бонифатьевич, – произнес он громовым басом, протягивая мне руку. – Чему обязан вашим посещением?

Я, признаться, немножко струсил.

– Да вот, Христофор Бонифатьевич, насчет тетрадок... ребята прислали... – начал было я.

– Виноват, – перебил он меня, – виноват, не узнал. Болезнь проклятая всю память отшибла. Стар стал, ничего не поделаешь... Да... так, говорите, за тетрадами? – переспросил Врунгель и, склонившись, стал рыться под столом.

Наконец он достал оттуда пачку тетрадей и хлопнул по ним своей широкой волосатой рукой, да так хлопнул, что пыль полетела во все стороны.

– Вот, извольте, – сказал он, предварительно громко, со вкусом, чихнув, – у всех «отлично»... Да-с, «отлично»! Поздравляю! С полным знанием науки кораблевождения пойдете бороздить морские просторы под сенью торгового флага... Похвально, к тому же, знаете, и занимательно. Ах, молодой человек, сколько непередаваемых картин, сколько неизгладимых впечатлений ждет вас впереди! Тропики, полюса, плавание по дуге большого круга... – прибавил он мечтательно. – Я, знаете, всем этим бредил, пока сам не попла-

вал.

— А вы разве плавали? — не подумав, воскликнул я.

— А как же! — обиделся Врунгель. — Я-то? Я плавал. Я, батенька, плавал. Очень даже плавал. В некотором роде единственный в мире кругосветный поход на двухместной парусной яхте. Сто сорок тысяч миль. Масса заходов, масса приключений... Конечно, теперь времена не те. И нравы изменились, и положение, — добавил он, помолчав. — Многое, так сказать, предстает теперь в ином свете, но все же, знаете, оглянешься вот так назад, в глубину прошлого, и приходится признать: много было и занятного, и поучительного в том походе. Есть что вспомнить, есть что порассказать!.. Да вы присядьте...

С этими словами Христофор Бонифатьевич пододвинул мне китовый позвонок. Я уселся на него, как на кресло, а Врунгель стал рассказывать.

**Глава II,
в которой капитан Врунгель
рассказывает о том, как его
старший помощник Лом
изучал английский язык,
и о некоторых частных случаях
практики судовождения**

Сидел я вот так в своей конуре, и, знаете, надоело. Решил потряхнуть стариной – и потряхнул. Так потряхнул, что по всему миру пыль пошла!.. Да-с. Вам, простите, спешить сейчас некуда? Вот и отлично. Тогда и начнем по порядку.

Я в ту пору, конечно, был помоложе, но не так чтобы все мальчишка. Нет. И опыт был за плечами, и годы. Стреляный, так сказать, воробей, на хорошем счету, с положением, и, скажу вам не хвастаясь, по заслугам. При таких обстоятельствах я бы мог получить в командование самый большой пароход. Это тоже довольно интересно. Но в то время самый большой пароход был как раз в плавании, а я ждать не привык, плюнул и решил: пойду на яхте. Это тоже, знаете, не шутка – пойти в кругосветное плавание на двухместной парусной посудинке.

Ну, стал искать судно, подходящее для выполнения задуманного плана, и, представьте, нашел. Как раз то, что нужно. Точно для меня строили. Яхта, правда, требовала небольшого ремонта, но под личным моим наблюдением ее в два счета привели в порядок: покрасили, поставили новые паруса, мачты, сменили обшивку, укоротили киль на два фута, надставили борта... Словом, пришлось повозиться. Но зато вышла не яхта – игрушечка! Сорок футов по палубе. Как говорится: «Скорлупка во власти моря».

Я не люблю преждевременных разговоров. Судно поставил у бережка, закрыл брезентом, а сам пока занялся подготовкой к походу.

Успех подобного предприятия, как вы знаете, во многом зависит от личного состава экспедиции. Поэтому я особенно тщательно выбирал своего спутника – единственного помощника и товарища в этом долгом и трудном пути. И, должен признаться, мне повезло: мой старший помощник Лом оказался человеком изумительных душевных качеств. Вот, судите сами: рост семь футов шесть дюймов, голос – как у парохода, необыкновенная физическая сила, выносливость. При всем том отличное знание дела, поразительная скромность – словом, все, что требуется первоклассному моряку. Но был и недостаток у Лома. Единственный, но серьезный: полное незнание иностранных языков. Это, конечно, важный порок, но это не остановило меня. Я взвесил положение, рассудил, подумал, прикинул и приказал Лому в срочном порядке овладеть английской разговорной речью. И, знаете, Лом овладел. Не без трудностей, но овладел за три недели.

Для этой цели я избрал особый, дотоле неизвестный метод преподавания: я пригласил для моего старшего помощника двух преподавателей. При этом один обучал его с начала, с азбуки, а другой с конца. И, представьте, с азбукой-то у Лома и не заладилось, особенно с произношением. Дни и ночи напролет мой старший помощник Лом разучивал трудные английские буквы. И, знаете, не обошлось без неприятностей. Вот так однажды он сидел за столом, изучая девятую букву английского алфавита – «ай».

– Ай... ай... ай... – твердил он на все лады, все громче

и громче.

Соседка услышала, заглянула, видит: здоровый детина сидит, кричит «ай». Ну, решила, что бедняге плохо, вызвала «скорую помощь». Приехали. Накинули на парня смирительную рубашку, и я с трудом на другой день вызволил его из лечебницы. Впрочем, кончилось все благополучно: ровно через три недели мой старший помощник Лом донес мне рапортом, что оба преподавателя доучили его до середины, и, таким образом, задача выполнена. В тот же день я назначил отход. Мы и без того задержались.

И вот наконец долгожданный момент настал. Сейчас, возможно, событие это прошло бы и незамеченным. Но в то время такие походы были в диковинку. Сенсация, так сказать. И не мудрено, что с утра в тот день толпы любопытных запрудили берег. Тут, знаете, флаги, музыка, общее ликование... Я встал в руль и скомандовал:

– Поднять паруса, отдать носовой руль, на правую!

Паруса взвились, распустились, как белые крылья, взяли ветер, а яхта, понимаете, стоит. Отдали кормовой конец – все равно стоит. Ну, вижу, нужно принимать решительные меры. А тут как раз буксир шел мимо. Я схватил рупор, кричу:

– Эй, на буксире! Прими конец, черт побирай!

Буксир потянул, пытит, мылит воду за кормой, только что на дыбы не встает, а яхта – ни с места... Что за притча?

Вдруг что-то ухнуло, яхта накренилась, я на мгновение

потерял сознание, а когда очнулся, смотрю – конфигурация берегов резко изменилась, толпы рассеялись, вода кишит головными уборами, тут же плавает будка с мороженым, верхом на ней сидит молодой человек с киноаппаратом и крутит ручку.

А под бортом у нас целый зеленый остров. Я посмотрел – и все понял: плотники недоглядели, поставили свежий лес. И, представьте, за лето яхта всем бортом пустила корни и приросла. А я еще удивлялся: откуда такие красивые кустики на берегу? Да. А яхта построена крепко, буксир добрый, канат прочный. Как дернули, так полберега и отнесло вместе с кустами. Недаром, знаете, свежий лес не рекомендуется употреблять при судостроении... Неприятная история, что и говорить, но, к счастью, все кончилось благополучно, без жертв.

В мои планы задержка не входила, понятно, но тут ничего не поделаешь. Это, как говорится, «форс-мажор» – непредвиденное обстоятельство. Пришлось встать на якорь и очистить борта. А то, понимаете, неудобно: рыбаков не встретишь – рыбы засмеют. Не годится со своей усадьбой плавать.

Я и мой старший помощник Лом весь день провозились с этой работой. Намучились, признаться, изрядно, вымокли, замерзли... И вот уже ночь спустилась над морем, звезды высыпали на небе, на судах быют полночную склянку. Я отпустил Лома спать, а сам остался на вахте. Стою, размышляю о трудностях и прелестях предстоящего похода. И так

это, знаете, размечтался, не заметил, как и ночь прошла.

А утром меня ждал страшный сюрприз: я не только сутки хода потерял с этой аварией – я потерял название корабля!

Вы, может быть, думаете, что название роли не играет? Ошибаетесь, молодой человек! Имя для корабля – то же, что фамилия для человека. Да вот, недалеко ходить за примером: Врунгель, скажем, звучная, красивая фамилия. А будь я какой-нибудь Забодай-Бодайло, или вот ученик у меня был – Суслик... Разве я мог бы рассчитывать на то уважение и доверие, которым пользуюсь сейчас? Вы только представьте себе: капитан дальнего плавания Суслик... Смешно-с!

Вот так же и судно. Назовите судно «Геркулес» или «Богатырь» – перед ним льды расступятся сами, а попробуйте назовите свое судно «Корыто» – оно и плавать будет, как корыто, и непременно перевернется где-нибудь при самой тихой погоде.

Вот поэтому я перебрал и взвесил десятки имен, прежде чем остановил свой выбор на том, которое должна была носить моя красавица яхта. Я назвал яхту «Победа». Вот славное имя для славного корабля! Вот имя, которое не стыдно пронести по всем океанам! Я заказал медные литые буквы и сам укрепил их на срезе кормы. Начищенные до блеска, они огнем горели. За полмили можно было прочесть: «Победа».

И вот в тот злополучный день, под утро, я стою один на палубе. На море штиль, порт еще не проснулся, после бессон-

ной ночи клонит ко сну... Вдруг вижу – пыхтит портовый катерок-работяга, подходит прямо ко мне и – хлоп на палубу пачку газет! Честолюбие, конечно, в известной мере порок. Но все мы люди, все человеки, как говорится, и каждому, знаете, приятно, когда в газете пишут про него. Да-с. И вот я разворачиваю газету. Читаю:

«Вчерашняя авария на старте кругосветного похода как нельзя лучше оправдала оригинальное имя, которое капитан Врунгель дал своему судну...»

Я несколько смутился, но, признаться, толком не понял, о чем разговор. Хватаю другую газету, третью...

Тут в одной из них мне бросается в глаза фотография: в левом углу я, в правом мой старший помощник Лом, а посередине наша красавица яхта и подпись: «Капитан Врунгель и яхта “Беда”», на которой он отправляется...»

Тогда я все понял. Я бросился на корму, посмотрел. Так и есть: сбило две буквы – «П» и «О».

Скандал! Непоправимый скандал! Но сделать уже ничего невозможно: у газетчиков длинные языки. Врунгеля, капитана «Победы», никто не знает, зато весь мир узнал уже о моей «Беде».

Но долго горевать не пришлось. С берега потянул ветерок, паруса зашевелились, я разбудил Лома и стал поднимать якорь. И пока мы шли морским каналом, нам со всех кораблей, как назло, кричали:

– Эй, на «Беде», счастливого плавания!

Жалко было красивого имени, но ничего не поделаешь. Так на «Беде» и пошли.

Вышли в море. Я еще не успел оправиться от огорчения. И все-таки должен сказать: хорошо в море! Недаром, знаете, еще древние греки говаривали, что море все невзгоды смывает с души человека.

Идем. Тишина, только волны шелестят вдоль бортов, мачта поскрипывает, а берег уходит, тает за кормой. Погода свежеет, белячки пошли по волнам, откуда-то прилетели буре-вестники, ветерок стал крепчать. Работает, свистит в снастях настоящий морской соленый ветер. Вот и последний маяк остался позади, берегов как не бывало, только море кругом; куда ни взглянешь – везде море.

Я проложил курс, сдал командование Лому, постоял еще минутку на палубе и пошел вниз, в каюту – вздремнуть часок-другой перед вахтой. Недаром у нас, у моряков, говорится: «Не выспаться всегда успеешь».

Спустился, выпил на сон грядущий рюмочку рому, лег на койку и заснул как убитый.

А через два часа, бодрый и свежий, поднимаюсь на палубу. Осмотрелся кругом, глянул вперед... и в глазах у меня потемнело.

На первый взгляд – ничего, конечно, особенного: то же море кругом, те же чайки, и Лом в полном порядке, держит штурвал, но впереди, прямо перед носом «Беды», – едва заметная, как серая ниточка, встает над горизонтом полоска

берега.

А вы знаете, что это значит, когда берегу полагается быть слева за тридцать миль, а он у вас прямо по носу? Это полный скандал. Безобразие. Стыд и позор для вас! Я был потрясен, возмущен и напуган. Что делать? Поверите ли, я решил положить судно на обратный курс и с позором вернуться к причалу, пока не поздно. А то ведь с таким помощником плавать – так заедешь, что и не выберешься, – особенно ночью.

Я уже собрался отдать соответствующую команду, уже и воздух в грудь набрал, чтобы повнушительнее это вышло, но тут, к счастью, все объяснилось. Лома выдал нос. Мой старший помощник все время сворачивал нос налево, жадно втягивал воздух, и сам тянулся туда же.

Ну, тогда я все понял: в моей каюте, по левому борту, осталась незакупоренная бутылка прекрасного рома. А у Лома редкий нюх на спиртное, и, понятно, его тянуло к бутылке. Это бывает.

А раз так – значит, дело поправимое. В некотором роде частный случай практики кораблевождения. Бывают такие случаи, не предусмотренные наукой. Я не стал даже раздумывать, спустился в каюту и незаметно перенес бутылку на правый борт. Нос у Лома потянулся, как компас за магнитом, судно послушно покатилося туда же, а два часа спустя «Беда» легла на прежний курс. Тогда я поставил бутылку впереди, у мачты, и Лом больше не сбивался с курса. Он вел

«Беда», как по ниточке, и только один раз особенно жадно втянул воздух и спросил:

– А что, Христофор Бонифатьевич, не прибавить ли нам парусов?

Это было дельное предложение. Я согласился. «Беда» и до того шла неплохо, а тут полетела стрелой.

Вот таким образом и началось наше дальнейшее плавание.

Глава III

**О том, как техника и находчивость
могут возместить недостаток
храбрости, и о том, как в плавании
Надо использовать все
обстоятельства, вплоть
до личного недомогания**

Дальнее плавание... Слова-то какие! Вы задумайтесь, молодой человек, прислушайтесь к музыке этих слов.

Дальнее... даль... простор необъятный... пространство. Не правда ли?

А «плавание»? Плавание – это стремление вперед, движение, иными словами.

Значит, так: движение в пространстве.

Тут, знаете, астрономией пахнет. Чувствуешь себя в некотором роде звездой, планетой, спутником, на худой конец.

Вот поэтому и тянет таких людей, как я или, скажем, мой тезка Колумб, в дальнее плавание, в открытый океан, на славные морские подвиги.

И все же не в этом главная сила, которая заставляет нас покидать родные берега.

И если хотите знать, я вам открою секрет и поясню, в чем тут дело.

Удовольствия дальнего плавания неоценимы, что говорить. Но есть большее удовольствие: рассказать в кругу близких друзей и случайных знакомых о явлениях прекрасных и необычайных, свидетелями которых вы становитесь в дальнем плавании, поведать о тех положениях, порой забавных, порой трагических, в которые то и дело ставит вас превратная судьба мореплавателя.

Но в море, на большой океанской дороге, что вы можете встретить? Воду и ветер, главным образом. А что вы може-

те пережить? Штормы, штиль, блуждания в туманах, вынужденные простои на мелях...

Бывают, конечно, и в открытом море различные необычайные происшествия, и в нашем походе их было немало, но в основном про воду, про ветер, про туманы и мели много не расскажешь.

Рассказать-то, положим, можно бы. Рассказать есть что: бывают, допустим, смерчи, тайфуны, жемчужные отмели – мало ли что! Все это поразительно интересно. Ну, рыбы, там, корабли, спруты – тоже и об этом можно рассказать. Да вот беда: столько уж об этом порассказано, что не успеете вы рот раскрыть – все ваши слушатели сразу разбегутся, как караси от акулы.

Другое дело – заходы, новые берега, так сказать. Там, знаете, есть на что посмотреть, есть чему удивиться. Да-с. Недаром говорят: «Что город, то норов».

Вот поэтому такой моряк, как я, любознательный и не связанный коммерческими интересами, старается всячески разнообразить свое плавание заходами в чужие страны. И в этом отношении плавание на маленькой яхте представляет бесчисленные преимущества.

А как же, знаете! Встали вы, допустим, на вахту, склонились над картой. Вот ваш курс, справа некое царство, слева некое государство, как в сказке. А ведь там тоже люди живут. А как живут? Интересно ведь посмотреть хоть одним глазком! Интересно? Извольте, полюбопытствуйте, кто же вам

не велит? Руль на борт... и вот уже входной маяк на горизонте! Вот так-то!

Да-с. Мы шли с попутным ветром, туман лежал над морем, и «Беда» бесшумно, как призрак, милю за милей глотала пространство. Не успели мы оглянуться, прошли Зунд, Каттегат, Скагеррак... И вот на пятые сутки, на рассвете, туман рассеялся, и по правому борту у нас открылись берега Норвегии.

Можно бы пройти мимо, но куда торопиться? Я скомандовал:

– Право на борт!

Мой старший помощник Лом положил руль круто направо, и три часа спустя цепь нашего якоря загрохотала в красивом и тихом фиорде. Вы не бывали в фиордах, молодой человек? Напрасно! Непременно побывайте при случае.

Фиорды, или шхеры, другими словами, – это, знаете, такие узкие заливы и бухточки, запутанные, как куриный след, а кругом скалы, изрытые трещинами, обросшие мохом, высокие и неприступные. В воздухе стоит торжественное спокойствие и нерушимая тишина. Красота необычайная!

– А что, Лом, – предложил я, – не сойти ли нам погулять до обеда?

– Есть погулять до обеда! – гаркнул Лом, да так, что птицы целой тучей поднялись со скал, а эхо (я сосчитал) тридцать два раза повторило: «Бéда... бéда... бéда...»

Скалы как бы приветствовали приход нашего судна. Хотя,

конечно, на иностранный манер, ударение не там, но все же, знаете, приятно и удивительно. Впрочем, по правде сказать, особенно и поражаться нечему. Там изумительное эхо в фиордах... Да одно ли эхо! Там, батенька, сказочные места и сказочные бывают происшествия. Вы послушайте, что дальше случилось.

Я закрепил руль и пошел переодеться в каюту. Лом тоже спустился. И вот, знаете, я уже совсем готов, шнурую ботинки – вдруг чувствую: судно получило резкий наклон на нос. Встревоженный, вскакиваю, пулей вылетаю на палубу, и глазам моим представляется печальная картина: нос яхты целиком в воде и продолжает быстро погружаться, корма же, напротив, вздымается кверху.

Я понял, что сам виноват: не учел особенностей грунта, а главное – прилив прозевал. Якорь зацепился, держится, как влитой, а вода подпирает. И цепь потравить невозможно: весь нос в воде, поди-ка ныряй к брашпилю. Куда там!

Едва мы успели задраить наглухо вход в каюту, как «Беда» заняла совершенно вертикальную позицию, наподобие рыболовного поплавка. Ну и пришлось смириться перед стихией. Ничего не поделаешь. Спаслись на корме. Так там и пересидели до вечера, пока вода начала спадать. Вот так.

А вечером, умудренный опытом, я ввел судно в узкий пролив и причалил к берегу. Так-то, думаю, будет вернее.

Да-с. Приготовили скромный ужин, произвели уборку, загасили огни, как положено, и улеглись спать, уверенные, что

не повторится история с якорем. А утром, чуть свет, Лом будит меня и рапортует:

– Разрешите доложить, капитан: полный штиль, барометр показывает ясно, температура наружного воздуха двенадцать градусов по Цельсию, произвести измерение глубины и температуры воды не представилось возможным за отсутствием таковой.

Я спросонья не сразу и понял, о чем он говорит.

– То есть как это «за отсутствием»? – спрашиваю. – Куда же она девалась?

– Ушла с отливом, – рапортует Лом. – Судно заклинилось между скалами и пребывает в состоянии устойчивого равновесия.

Вышел я, вижу – та же песня, да на новый лад. То прилив нас попутал, теперь отлив шутки шутит. То, что принял я за проливчик, оказалось ущельем. К утру вода сошла, и мы встали на твердый грунт, как в сухом доке. Под килем – пропасть в сорок футов, выбраться нет никакой возможности. Куда там выбраться! Одно остается – сидеть, ждать погоды, прилива, вернее сказать.

Но я не привык тратить время по-пустому. Осмотрел яхту со всех сторон, бросил за борт шторм-трап, взял топор, рубанок, кисть. Заподлицо обтесал борта в тех местах, где остались сучья, закрасил. А когда вода пошла на прибыль, Лом закинул с кормы удочку и наловил рыбы на уху. Так что, видите, даже такое неприятное обстоятельство, если с умом

взяться, можно обернуть на пользу делу, так сказать.

После всех этих событий благоразумие подсказывало покинуть этот предательский фиорд. Кто ж его знает, какие он еще готовит сюрпризы? Но я человек, как вы знаете, смелый, настойчивый, даже несколько упрямый, если хотите, и не привык отказываться от принятых решений.

Так и в тот раз: решил гулять – значит, гулять. И как только «Беда» встала на воду, я перевел ее на новое, безопасное место. Вытравил цепь подлиннее, и мы отправились.

Идем между скалами по тропинке, и чем дальше идем, тем поразительнее окружающая природа. На деревьях белки, птички какие-то – «чик-чирик», а под ногами сухие сучья трещат, и кажется: сейчас выйдет медведь и заревет... Тут же ягоды, земляника. Я, знаете, нигде не видел такой земляники. Крупная, с орех! Ну, мы увлеклись, углубились в лес, забыли совсем про обед, а когда спохватились, смотрим – поздно. Уже солнце склонилось, тянет прохладой. И куда идти, неизвестно. Кругом лес. Куда ни посмотришь, везде ягоды, ягоды, одни ягоды...

Спустились вниз, к фиорду, видим – не тот фиорд. А время уже к ночи. Делать нечего, развели костер, ночь кое-как прошла, а утром полезли на гору. Может быть, думаем, оттуда, сверху, увидим «Беду».

Лезем в гору, нелегко при моей комплекции, но лезем, подкрепляемся земляникой. Вдруг слышим сзади какой-то шум. Не то ветер, не то водопад, трещит что-то все громче,

и как будто попахивает дымком.

Я обернулся, гляжу – так и есть: огонь! Обступает со всех сторон, стеной идет за нами. Тут уж, знаете, не до ягод.

Белки побросали гнезда, прыгают с ветки на ветку, все выше по склону. Птицы поднялись, кричат. Шум, паника...

Я не привык бегать от опасности, но тут, делать нечего, надо спасаться. И полным ходом за белками, на вершину скалы, – больше некуда.

Вылезли, отдышались, осмотрелись кругом. Положение, доложу вам, безвыходное: с трех сторон огонь, с четвертой – крутая скала... Я посмотрел вниз – высоко, даже дух захватило. Картинка, в общем, безрадостная, и единственное отрадное пятно на этом мрачном горизонте – наша «Бед»-красавица. Стоит как раз под нами, чуть качается на волне и мачтой, как пальчиком, манит к себе на палубу.

А огонь все ближе. Белок кругом видимо-невидимо. Осмелели. У других, знаете, хвосты в огне пообгорели, так те особенно храбрые, нахальные, проще сказать: лезут прямо на нас, толкаются, нажимают, того и гляди, спихнут в огонь. Вот оно как костры-то разводить!

Лом в отчаянии. Белки тоже в отчаянии. Признаться, и мне не сладко, но я не подаю виду, креплюсь – капитан не должен поддаваться унынию. А как же!

Вдруг – смотрю – одна белка нацелилась, хвост распушила и прыг прямо на «Беду», на палубу. За ней другая, третья и, гляжу, – как горох посыпались. В пять минут у нас на ска-

ле стало чисто. А мы что, хуже белок, что ли? Я решил тоже прыгать. Ну, искупаемся в крайнем случае. Подумаешь, велика важность! Это даже полезно перед завтраком – искупаться. А у меня так: решено – значит сделано.

– Старший помощник, за белками – полный вперед! – командовал я.

Лом шагнул, занес уже ногу над пропастью, но вдруг извернулся, как кошка, и назад.

– Не могу, – говорит, – Христофор Бонифатьевич, увольте! Не буду прыгать, я лучше сгорю...

И я вижу – действительно сгорит человек, а прыгать не станет. Естественная боязнь высоты, болезнь своего рода... Ну что тут делать! Не бросать же беднягу Лома!

Другой бы растерялся на моем месте, но я не таков. Я нашел выход.

У меня с собой оказался бинокль. Прекрасный морской бинокль с двенадцатикратным приближением. Я приказал Лому поставить бинокль по глазам, подвел его к краю скалы и строгим голосом спрашиваю:

– Старший помощник, сколько белок у вас на палубе?

Лом принялся считать:

– Одна, две, три, четыре, пять...

– Отставить! – крикнул я. – Без счета принять, загнать в трюм!

Тут чувство служебного долга взяло верх над сознанием опасности, да и бинокль, как ни говорите, помог: приблизил

палубу. Лом спокойно шагнул в пропасть...

Я глянул вслед – только брызги поднялись столбом. А минуту спустя мой старший помощник Лом уже вскарабкался на борт и принялся загонять белок. Тогда и я последовал тем же путем. Но мне, знаете, легче: я человек бывалый, могу без бинокля.

А вы, молодой человек, учтите этот урок, при случае пригодится: соберетесь, к примеру, с парашютом прыгать, непременно возьмите бинокль, хоть плохонький, а все-таки, знаете, как-то легче, не так высоко.

Ну, спрыгнул. Вынырнул. Забрался и я на палубу. Хотел Лому помочь, да он парень расторопный, один справился. Не успел я отдышаться, а он уже захлопнул люк, встал во фронт и рапортует:

– Принято без счета полный груз белок живь-ем! Какие последуют распоряжения?

Вот тут, знаете, подумаешь, какие распоряжения.

На первое время ясно: поднимать якорь, ставить паруса да уходить подобру-поздорову от этой горячей горы. Ну его к дьяволу, этот фиорд. Смотреть тут нечего больше, да и жарко стало к тому же... Так что по этому вопросу у меня сомнений не возникло. А вот что с белками делать? Тут, знаете, похуже положение. Черт их знает, что с ними делать? Хорошо еще вовремя в трюм загнали, а то, знаете, проголодались негодные зверюшки, принялись грызть снасти. Еще бы чуть – и ставь заново весь такелаж.

Ну конечно, можно бы ободрать с белок шкурки и сдать в любом порту. Меха ценный, добротный. Не без выгоды можно бы провести операцию. Но это как-то нехорошо: они нас спасли, во всяком случае, указали путь к спасению, а мы с них последние шкурки! Не в моих это правилах. А с другой стороны, везти с собой всю эту компанию вокруг света – тоже удовольствие не из приятных. Ведь это значит кормить, поить, ухаживать. А как же – это закон: принял пассажиров – создай условия. Тут, знаете, хлопот не оберешься.

Ну, я решил так: дома разберемся. А у нас, у моряков, где дом? В море. Макаров, адмирал, помните, как говорил: «В море – значит дома». Вот и я так. Ладно, думаю, выйдем в море, а там подумаем. Запросим в крайнем случае инструкции в порту отправления. Да-с.

Вот и пошли. Идем. Встречаемся с рыбаками, с пароходами. Хорошо! А к вечеру ветерок закрепчал, начался настоящий шторм – баллов десять. Море бушует. Как поднимет нашу «Беду», как швырнет вниз!.. Снасти стонут, мачта скрипит. Белки в трюме укачались с непривычки, а я радуюсь: «Беда» моя держится молодцом, на пять с плюсом сдает штормовой экзамен. И Лом – героем: надел зюйдвестку, стоит как влитой у руля и твердой рукой держит штурвал. Ну, я постоял еще, посмотрел, полюбовался на разбушевавшуюся стихию и пошел к себе в каюту. Сел к столу, включил приемник, надел наушники и слушаю, что там в эфире творится.

Чудесная это штука – радио. Нажмешь кнопку, повернешь

рукоятку – и на-ка, все к твоим услугам: музыка, погода на завтра, последние новости. Другие, знаете, болеют насчет футбола – так тоже, извольте: «Удар! Еще удар!.. И вратарь вынимает мяч из сетки...» Словом, не мне вам рассказывать: радио – великая вещь! Но я в тот раз как-то неудачно попал. Поймал Москву, настроился, слышу: «Иван... Роман... Константин... Ульяна... Татьяна... Семен... Кирилл...» – точно в гости пришел и знакомишься. Прямо хоть не слушай. А у меня еще зуб был с дуплом, разболелся что-то... должно быть, после купанья, – так разболелся, хоть плачь.

Ну, я решил прилечь отдохнуть. Совсем было снял наушники, вдруг слышу: никак, «SOS»? Прислушался: «Т-Т-Т... Та, Та, Та, Т-Т-Т...» Так и есть: сигнал бедствия. Судно гибнет, и здесь где-то, близко. Я замер, ловлю каждый звук, хочу узнать поподробнее: где? что? В это время накатила волна да так поддала «Беду», что она, бедняжка, совсем легла на борт. Белки взвыли.

Но это бы еще ничего. Тут гораздо хуже получилось: приемник прыг со стола, сорвался, знаете, хлоп о переборку и разлетелся в куски. И вижу – не соберешь. Передачу, конечно, как ножом отрезало. И такое тяжелое чувство: рядом кто-то терпит бедствие, а где, кто – неизвестно. Надо идти выручать, а куда идти – кто его знает? И зуб еще хуже разболелся.

И вот представьте: он-то меня и выручил! Я недолго думая хватаю конец антенны – и прямо в зуб, в дупло. Боль адская,

искры из глаз посыпались, но зато прием опять наладился. Музыки, правда, не слышно, да мне, признаться, тут музыка и ни к чему. Какая там музыка! А Морзе зато – лучше и не придумаешь: точка – кольнет незаметно, как булавочкой, а уж тире – точно кто шуруп туда закручивает. И никакого усилителя не нужно, и никакой настройки – больной зуб с дуплом и без того обладает высокой чувствительностью. Терпеть трудно, конечно, но что поделаешь: в таком положении приходится жертвовать собой.

И, поверите ли, так всю передачу до конца на зуб и принял. Записал, разобрал, перевел. Оказывается, почти рядом с нами норвежский парусник потерпел аварию: сел на мель на Доггербанке, получил пробоину, вот-вот пойдет ко дну. Тут думать некогда, надо идти выручать. Я забыл про зубную боль и сам стал распоряжаться спасением. Поднялся на палубу, стал к штурвалу. Идем. Ночь кругом, холодное море, волны хлещут, ветер свистит...

Ну, с полчаса прошли, отыскиали норвежцев, осветили ракетами. Я вижу – дело дрянь. Вплотную, борт о борт, не встанешь – разобьет. Шлюпки у них все снесло, а на концах перетаскивать людей в такую погоду тоже рискованно: перетопишь, чего доброго.

Зашел с одной стороны, зашел с другой – ничего не выходит. А шторм разыгрался пуще прежнего. Как накатит на это суденышко волна, так его и не видно совсем. Перекачивается через палубу, одни мачты торчат... Стоп, думаю, это нам

на руку.

Я решил рискнуть. Зашел на ветер, повернул оверштаг и вместе с волной на всех парусах пошел фордевинд полным ходом.

Расчет тут был самый простой: у «Беды» осадка небольшая, а волны – как горы. Удержимся на гребне – как раз и проскочим над палубой.

Ну, знаете, норвежцы уже отчаялись, а я тут как тут. Стою в руле, правлю так, чтобы не зацепить за мачты, а Лом ловит потерпевших прямо за шиворот, сразу по двое. Восемь раз так прошли и вытащили всех – шестнадцать человек во главе с капитаном.

Капитан немножко обиделся: ему последнему полагается покидать судно, а Лом в спешке да в темноте не разобрал, подцепил его первым. Некрасиво получилось, ну да ничего, бывает... И только сняли последнюю пару, смотрю – катит девятый вал. Налетел, ухнул – только щепки полетели от несчастного суденышка.

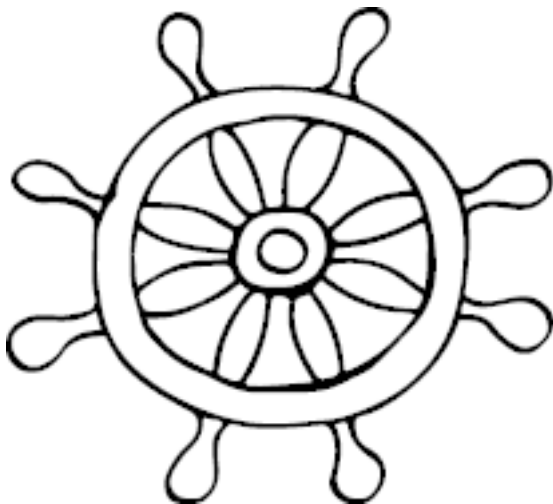
Норвежцы сняли шапки, стоят дрожат на палубе. Ну, и мы посмотрели... Потом развернулись, легли на курс и пошли полным ходом назад, в Норвегию.

На палубе теснота – не повернешься, но норвежцы ничего, довольны даже. Да и понятно: конечно, и тесно, и холодно, а все лучше, чем купаться в такую погоду.

Да... Выручил, спас норвежцев. Вот тебе и «Беда»! Для кого беда, а для кого чудесное, так сказать, избавление

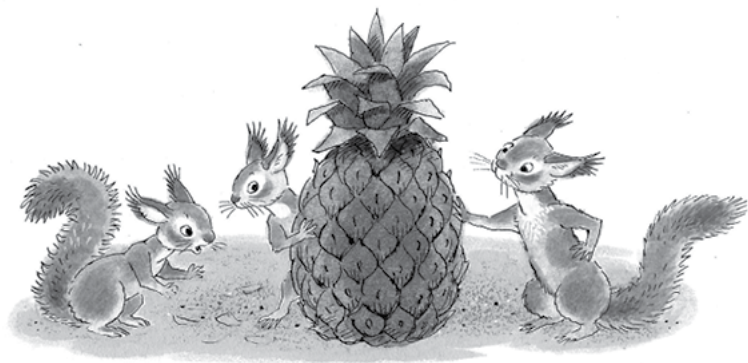
от гибели.

А все находчивость! В дальнем плавании, молодой человек, если хотите быть хорошим капитаном, никогда не теряйте ни одной возможности, используйте все для пользы дела, даже личное недомогание, если к тому представится случай. Вот так-то.

Глава IV

О нравах скандинавских народов, о неправильном произношении некоторых географических названий и о применении белок В морском деле

Пришли назад в Норвегию, в город Ставангер. Эти моряки оказались благородными людьми и приняли нас великолепно.

Меня и Лома поместили в лучшей гостинице, яхту за свой счет покрасили самой дорогой краской. Да что там яхту – белок, и тех не забыли: выписали на них документы, оформили как груз, а потом приходят и спрашивают:

– Чем прикажете кормить ваших милых животных?

А чем их кормить? Я в этом деле ничего не понимаю, никогда белок не разводил. Спросил у Лома, тот говорит:

– Точно не скажу, но, помнится, орехами и сосновыми шишками.

И вот, представляете, какая случайность: я свободно объясняюсь по-норвежски, а вот эти два слова забыл. Вертятся на языке, а вспомнить не могу. Как отшибло. Думал, думал: как быть? Ну и придумал: послал Лома вместе с норвежцами в бакалейную лавочку.

– Посмотрите, – говорю, – может быть, и найдете что подходящее.

Пошел он. Потом вернулся, доложил, что все в порядке: нашел, мол, и орехи, и шишки. Меня, признаться, несколько удивило, что в лавке торгуют шишками, но знаете, в чужой стране чего не бывает! Может, думаю, для самоваров или, там, елки украшать, мало ли для чего?

А вечером прихожу на «Беду» – посмотреть, как идет окраска, заглянул в трюм к белкам, – и что бы вы думали! Лом ошибся, но до чего же удачно ошибся!

Гляжу – сидят мои белки, как на именинах, и за обе щеки уплетают ореховую халву. Халва в банках, и на каж-

дой, на крышке, нарисован орех. А с шишками еще лучше: вместо шишек привезли ананасы. Ну и действительно, кто не знает, легко может спутать. Ананасы, правда, размером побольше, а в остальном похожи, и запах тот же. Лом там, в лавочке, как увидел, ткнул пальцем туда-сюда – вот оно так и получилось...

Ну, стали нас водить по театрам, по музеям, показывать различные достопримечательности. Показали, между прочим, живую лошадь. Это у них большая редкость. Ездят там на автомобилях, еще больше ходят пешком. Пахали в то время своими силами, вручную, так что лошади были им ни к чему. Каких помоложе – повывезли, постарше – так передохли, а которые остались, так те стоят в зоопарках, жуют сено и мечтают.

И если выведут лошадь на прогулку, сейчас же собирается толпа, все смотрят, кричат, нарушают уличное движение. Все равно как у нас пошел бы жираф пройти по улице, так тоже, я думаю, старшина не знал бы, какой свет на светофоре зажигать.

Ну, а нам лошадь не в диковинку. Я даже решил удивить норвежцев: схватил ее за холку, вскочил, пришпорил каблучками.

Норвежцы ахнули, а на другое утро все газеты поместили статью о моей храбрости и фотографию: мчится лошадь вскачь, и я на ней. Без седла, китель расстегнулся, трепещет на ветру, фуражка сбилась, ноги болтаются, а у лошади хвост

трубой...

После я понял: неважная фотография, недостойная моряка, но тогда сторяча не обратил внимания и был даже доволен.

И норвежцы остались довольны.

Вообще нужно сказать, приятная эта страна. И народ там хороший, такой, знаете, тихий народ, приветливый, добродушный.

Я там, в Норвегии, не раз, конечно, и прежде бывал, и смолodu, помню, такой у меня вышел случай.

Высадились мы в одном порту, а оттуда мой путь лежал по железной дороге.

Ну-с, прихожу на станцию. Поезд не скоро. С чемоданами гулять, прямо скажем, – затруднительно и неудобно.

Разыскал я начальника станции, спрашиваю:

– Где тут у вас камера хранения?

А начальник, славный такой старичок, развел руками.

– Извините, – говорит, – специального помещения для хранения ручной клади у нас не предусмотрено. Но это ничего, вы, – говорит, – не стесняйтесь, оставьте тут ваши чемоданчики, они никому не помешают, уверяю вас...

Вот так-то. А недавно дружок мой оттуда прибыл. У него, представьте, в поезде из купе увели чемодан. Да что там говорить: многое, говорит, изменилось и в нравах, и в обхождении. Ну как же, знаете: в войну немцы там побывали – новый порядок наводили. Сейчас американцы поднимают об-

раз жизни на должную высоту. Ну, и конечно, пообтерся народ, стал порасторопнее. Теперь уж и там понимают, что где плохо лежит. Культура!

Ну, а в то время жили там еще по старинке. Тихо жили. Но не все. Были и тогда в Норвегии люди, так сказать, передовые, вкусившие от древа познания добра и зла. Вот, допустим, владельцы крупных магазинов, заведений, фабрик там или заводов. Эти и тогда не зевали.

И меня это тоже коснулось самым, так сказать, непосредственным образом. Есть там фирма одна – производит телефоны, радиоприемники... так вот, пронюхали эти фабриканты про мой зуб и забеспокоились. Да и понятно: ведь если все станут на зуб принимать, никто и приемников покупать не будет. Урон-то какой! Тут забеспокоишься. Ну, и решили недолго думая завладеть моим изобретением, да и моим зубом заодно.

Сначала, знаете, так это, по-хорошему, прислали деловое письмо с предложением продать мой дефектный зуб. А я раскусил, думаю: «С какой же стати?» Зуб еще ничего, кусать можно, а что с дуплом, так это уж, извините, мое дело. У меня вот один знакомый есть, так он даже любит, когда зубы болят.

– Конечно, – говорит, – когда болят, действительно и больно, и неприятно, но зато когда пройдут, уж больно хорошо!

Да. Ну, я ответил, что не продаю зуб, и все тут... Так,

думаете, они успокоились? Как бы не так! Решили выкрасть мой зуб. Появились какие-то негодяи, ходят по пятам за мной, заглядывают в рот, шепчутся... Ну и стало мне не по себе: хорошо, как один зуб, так уж и быть, а ну как для верности заберут совсем, с головой? Куда я без головы пойду плавать?

Вот я и решил уйти от греха. Запросил в порту отправления инструкции по вопросу о белках, а сам, чтобы защититься от злоумышленников, принял особые меры: взял дубовую сходню, один конец засунул под ворота пакгауза, другой – под дверь кубрика и приказал Лому грузить «Беду» балластом.

Яхта осела до фальшборта, сходня согнулась, как пружина, одним только краешком держится под дверью. Я перед сном осмотрел, проверил готовность этого сооружения и спокойно улегся спать. Даже вахту не выставил: незачем. И вот, знаете, под утро пришли. Я слышу осторожные шаги, скрип двери, потом вдруг – трах! – сходня выскочила из-под двери, разогнулась...

Я выхожу – и вижу: подействовала моя катапульта, да еще как! Тут на берегу была радиостанция, так этих негодяев забросило на самую верхушку, на мачту. Они там зацепились штанами, висят и орут на весь город.

Как уж их снимали, не могу вам сказать, не видел.

Тут как раз пришел и ответ из порта с предписанием сдать белок в Гамбург. Был там знаменитый зоопарк Гаденбека,

так он скупал различных зверей.

Я вам уже имел случай докладывать о некоторых преимуществах спортивного плавания. В спортивном плавании сам себе хозяин: куда хочешь, туда и идешь. А уж если связался с грузом, тогда все равно как извозчик: вожжи в руках, а везешь – куда прикажут.

Вот, допустим, Гамбург. Да разве я пошел бы туда по своей охоте! Чего я там не видел! Шущманов, что ли? Ну, и опять же, знаете, усложняется плавание, появляется всяческая коммерческая переписка, соображения сохранности груза, таможенные формальности, тем более в Гамбурге... Народ там, не в пример норвежцам, тертый, невежливый – того и гляди, обдерут как липку.

Кстати, знаете, никак не пойму, почему это у нас твердо так произносится: «Гамбург»? Неправильно это, тамошние жители называют свой город «Хамбург». Оно и звучит помягче, а главное, больше соответствует действительности.

Да, но раз приказано, надо подчиняться. Привел в Гамбург «Беду», поставил у стенки, сам оделся почище и пошел разыскивать Гаденбека. Прихожу в зверинец. Там, знаете, и слоны, и тигры, и крокодил, и птица марабу, и белка эта самая висит тут же в клетке. Да какая еще белка, не моим чета! Мои, бездельницы, сидят в трюме, объедаются халвой, а у этой сделана вертушка, и она там все время, как заводная, как белка в колесе, так и прыгает, так и вертится. Заглядишься!

Ну-с, разыскал я самого Гаденбека, представился и объяснил, что имею на борту полный груз белок, живьем, по сходной цене.

Гаденбек посмотрел в потолок, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

– Белки, – говорит, – это такие с хвостиками и с ушками? Как же, знаю. Так у вас белки? Ну что же, я возьму. Только, знаете, у нас очень строго с контрабандой. Документы на них в порядке?

Тут я с благодарностью вспомнил норвежцев и выложил на стол документы.

Гаденбек достал очки, взял платочек, не спеша стал протирать стекла. Вдруг, откуда ни возьмись, хамелеон. Прыг на стол, высунул свой язычище, слизнул бумагу и был таков. Я за ним. Да где там!

А Гандебек сложил свои очки, развел руками.

– Без документов, – говорит, – не могу. Рад бы, да не могу. У нас насчет этого очень строго.

Я расстроился, начал было спорить. Ну, вижу, делать нечего, ушел. Подхожу к пристани, смотрю – на «Беде» что-то неладно. Толпа зевак кругом, на борту шущманы, таможенники, портовые чиновники... Наседают на Лома, а тот стоит в середине и кое-как отругивается.

Я протолкался, успокоил их и разузнал, в чем дело. А дело приняло самый неожиданный и неприятный оборот. Гаденбек, оказывается, уже позвонил в таможду, а там подобрали статью, обвинили меня в незаконном ввозе скота и грозят отобрать судно вместе с грузом...

А мне и возразить нечего: действительно, документы утрачены, специального разрешения на ввоз белок я не получал. Если правду сказать, кто же поверит? Доказательств нет никаких, а смолчать – еще хуже.

Словом, вижу – дело дрянь.

«Эх, – думаю, – куда ни шло! Вы так, и я так!»

Одернул китель, выпрямился во весь рост и самому главному чиновнику заявляю:

– Требования ваши, господа чиновники, необоснованны, поскольку в международных морских законах прямо предусмотрен пункт, согласно которому неперенные принадлежности судна, как то: якоря, шлюпки, разгрузочные и спасательные приспособления, средства связи, сигнальные устройства, топливо и ходовые машины в количестве, необ-

ходимом для безопасного плавания, — никакими портовыми сборами не облагаются и специальному оформлению не подлежат.

— Совершенно с вами согласен, — отвечает тот, — но не откажитесь объяснить, капитан, к какой именно категории названных предметов относите вы своих животных?

Я было стал в тупик, но вижу, отступать уже поздно.

— К последней, господин чиновник: к категории ходовых машин, — ответил я и повернулся на каблуках.

Чиновники сначала опешили, потом пошептались между собой, и опять главный выступил вперед.

— Мы, — говорит, — охотно откажемся от наших законных претензий, если вы сумеете доказать, что имеющийся на борту вашего судна скот действительно служит вам ходовой машиной.

Вы сами понимаете: доказать такую вещь нелегко. Где там доказывать — время оттянуть бы!

— Видите ли, — говорю я, — ответственные части двигателя находятся на берегу, в ремонте, а завтра, извольте, представлю вам доказательства.

Ну, ушли они. Но тут же, рядом с «Бедой», смотрю, поставили полицейский катер под парами, чтобы я не удрал под шумок. А я, понимаете, забился в каюту, вспомнил ту белку, что у Гаденбека, взял бумагу, циркуль, линейку и стал чертить.

Через час мы вместе с Ломом пошли к кузнецу и заказали

ему два колеса, как у парохода, а третье вроде мельничного. Только у мельничного ступеньки снаружи, а мы сделали внутри и с двух сторон натянули сетку. Кузнец попался расторопный, понятливый. Сделал все к сроку.

На другой день, с утра, привезли все это хозяйство на «Беду», пароходные колеса пристроили по бортам, мельничное посередине, соединили все три колеса общим валом и запустили белок.

Грызуны, знаете, ошалели от света, от свежего воздуха, понеслись как бешеные одна за одной по ступенькам внутри колеса. Вся наша машина закрутилась, и «Беда» без парусов пошла так, что полицейские на своем катере насилу за нами угнались.

Со всех кораблей на нас смотрят в бинокли, на берегу толпы народа, а мы идем, только волны разбегаются в стороны. Потом развернулись, встали назад, к причалу. Этот самый чиновник пришел, расстроился совсем. Бранится, кричит, а сделать ничего не может.

А вечером на автомобиле прикатил сам Гаденбек. Вылез из машины, встал, посмотрел, сложил руки на животе, покрутил пальцами.

– Капитан Врунгель, – говорит, – это у вас белки? Как же, помню. Во сколько вы их оцениваете?

– Так, видите ли, – говорю я, – не в цене дело. Вы же знаете, документы на них утрачены.

– Э, полно, – возражает он, – не тревожьтесь, капитан, вы

не мальчик, должны понимать – у нас с этим делом просто. Вы цену скажите...

Ну, я назвал хорошую цену; он поморщился, но, не торгуясь, тут же расплатился, забрал белок вместе с колесами, а напоследок спрашивает:

– Чем вы их кормите?

– Халвой и ананасами, – ответил я и распрощался.

Не понравился мне этот Гаденбек. Да и Гамбург вообще не понравился.

Глава V

О селедках и о картах

В Голландию я совсем не хотел заходить. Страна эта незначительная и большого интереса для путешественника не представляет. Там только и есть три замечательные вещи: голландская сажа, голландский сыр и голландские селетки.

Меня как моряка, понятно, заинтересовало это последнее,

и я решил завернуть в Роттердам, познакомиться с следочным делом.

У них там оно поставлено на широкую ногу. Там селедок ловят, солят, маринуют и свежую селедку морозят, и живую селедку можете купить и посадить в аквариум.

И вот что в этом деле особенно поразительно: голландцы, видимо, знают какой-то секрет. Иначе как же вы объясните такую несправедливость: вот шотландцы, например, пробовали ловить. Закинули сети, подняли – полно селедок. Ну, и обрадовались, понятно, но когда разобрались хорошенько, разглядели, распробовали, обнаружилось, что селедки-то попались все как есть шотландские.

Норвежцы тоже пытались. Норвежцы – прославленные, первоклассные рыбаки, но на этот раз и у них ничего не вышло. Тоже забросили сети, подняли, посмотрели – есть селедка, да только все сплошь норвежская.

А голландцы ловят и ловят уж который год, и им все попадается голландская селедка различных сортов. Ну, и конечно, они этим пользуются: продают свои селедки направо и налево – и в Южную Африку, и в Северную Америку...

Я углубился в изучение этого вопроса, и тут мне совершенно неожиданно удалось сделать одно важное открытие, которое коренным образом изменило первоначальный план моего похода. После ряда наблюдений я установил с исключительной точностью, что каждая селедка – рыба, но не каждая рыба – селедка.

А ведь это что значит?

Это значит, что незачем тратить огромные средства, незачем набивать селедок в бочки, грузить на корабли и выгружать снова, где это понадобится. Не проще ли согнать селедок в табун или в стадо – как хотите назовите – и гнать живьем до места назначения?

Раз каждая селедка – рыба, значит, утонуть она не может. Ведь рыбам свойственно плавать, не так ли? А с другой стороны, если прибьется какая посторонняя рыбина, так ведь не каждая рыба – селедка. Ее, значит, ничего не стоит обнаружить, отличить, отогнать и напугать, уничтожить, наконец.

И там, где при старом способе перевозки нужен был огромный грузовой пароход с большой командой, со сложными механизмами, при новой системе может справиться любое суденышко не больше моей «Беды».

Это теория, так сказать. Но теория заманчивая, и я решил на практике проверить свои соображения. А тут как раз и случай представился: в Северную Африку, в Александрию, отправляли партию селедок. Их уже поймали, собирались солить, но я приостановил это дело. Селедок выпустили, согнали в табун, мы с Ломом подняли паруса и пошли. Лом встал в руль, а я уселся на самый нос, на бушприт, взял длинный хлыст, и как только замечу какую постороннюю рыбину, я ее по губам, по губам!

И, знаете, прекрасно получилось: идут наши селедки, не тонут, резво идут. Мы за ними едва поспеваем. И посто-

ронная рыба не лезет. День так прошли – ничего. А к ночи я чувствую – тяжело: следить устаешь, глаз не хватает, а главное, спать некогда. Один с селедками занят, другой в руле только успевай поворачивайся. Ну хорошо бы день, два, уж как-нибудь постарались бы, а то путь далекий, впереди океан, тропические широты... Словом, чувствую, не справимся, все дело провалим.

Ну, я рассудил и решил взять на судно еще одного человека – матроса. И как раз, знаете, место удобное: в то время мы уже вошли в Английский канал, тут Франция под боком, порт Кале, а в Кале всегда полно безработных моряков. Можно выбрать кого хотите: и плотника, и боцмана, и рулевого первого класса. Я недолго думая подошел поближе к берегу, «Беду» положил в дрейф, вызвал лоцманский катер и откомандировал Лома на берег за матросом.

Тут, конечно, я допустил ошибку: набор команды – дело серьезное, ответственное. Лом, конечно, парень старательный, но молод, опыта нет. Нужно бы самому этим заняться, но, с другой стороны, и тут, на борту, тоже, знаете, ушами хлопать некогда. Ведь как-никак перегонка селедок живьем – дело новое. И как во всяком новом деле, есть тут свои трудности. Нужен глаз да глаз. Уйдешь, недоглядишь, а тут весь табун разбежится. А тогда с убытками не рассчитаешься, опозоришься на весь мир, а главное, загубишь это прекрасное и полезное начинание.

Ведь знаете, как это бывает: не выйдет с первого раза, а в

другой и не доверит никто, и попробовать не дадут.

Да. Ну ладно. Отправил я Лома в Кале, выставил кресло на палубу, лежу. Одним глазом читаю, другим поглядываю на селедок. Пасутся рыбки, резвятся, сверкают на солнце чешуйками.

А к вечеру возвращается Лом и привозит с собой матроса. Я смотрю – на вид парень ничего. Не очень молодой, но и не очень старый; ростом, правда, маловат, но по глазам видно – шустрый, и борода у него, как у морского разбойника. Только те, по слухам, все больше рыжие, а этот типичный брюнет. Грамотный, некурящий, одет чисто, знает четыре языка – английский, немецкий, французский и русский. Это Лома особенно прельстило: он к тому времени, грешным делом, стал уже забывать английскую речь. Фамилия у нового матроса несколько странная – Фукс, но, знаете, фамилия – дело наживное, а мне еще Лом на ушко шепнул, что Фукс этот – клад, а не матрос: прекрасно разбирается в картах.

Тут уж я совсем успокоился: раз в картах разбирается – значит, моряк, значит, и в руле может постоять, значит, и вахту при случае может нести самостоятельно.

Словом, я согласился. Записал Фукса в судовую роль, объяснил обязанности, приказал Лому отвести ему место в трюме. Ну, потом подняли паруса, развернулись и пошли дальше.

И, знаете, как раз вовремя взяли человека. До тех пор нам везло: ветер все время дул в корму, чистый фордевинд. А тут

задул прямо в нос – «вмордувинд», как говорится. В другое время я, может быть, поберег бы силы, остался бы в дрейфе или якорь бросил, но тут, сами понимаете: селедки. Им-то ветер нипочем, идут как ни в чем не бывало полным ходом, и нам, значит, нельзя отставать. Ну и пришлось идти в лавировку, зигзагами. Я высвистал всех наверх. Лома поставил пасти селедок, сам встал у штурвала, набрал ходу и скомандовал:

– К повороту приготовиться!

Смотрю – этот Фукс стоит, как свечка, руки в карманах, с интересом смотрит на паруса. Ну, тут уж я прямо к нему обратился.

– Фукс, – кричу, – набивайте грот!

Он встрепенулся, посмотрел этак растерянно – и давай все подряд запихивать в кубрик: спасательные круги, запасной трос, фонари. Поворот, конечно, не вышел, прозевали...

– Отставить! – кричу я.

Он тогда все пожитки назад вытащил и поставил у самого фальшборта.

Ну, я вижу, достался матрос! Ни в зуб ногой! Уж я на что человек спокойный, но тут и меня зло взяло.

– Эй вы, Фукс, – говорю я, – какой же вы, к черту, матрос?

– А я, – ответил он, – не матрос, я сейчас просто так, застрял на мели, а друзья мне посоветовали климат переменить...

– Позвольте, – перебил я, – а как же мне Лом говорил, что

вы в картах умеете разбираться?

– О, это сколько угодно, – отвечает он. – Карты – это моя специальность, карты – это мой хлеб, только не морские, а, простите, игральные карты. Я, если хотите знать, карточный шулер по профессии.

Я так и сел.

Ну, посудите сами, что мне с ним делать?

Списывать на берег – это еще сутки потерять. Ветер крепчает – того и гляди, поднимется шторм, тут селедки разбегутся. А с другой стороны, возить с собой этого шулера балластом – тоже неинтересно: он не только морской команды, но ни одной снасти не знает. Я было растерялся.

Но тут мне пришла блестящая мысль. Я, знаете, люблю иногда разложить пасьянс на досуге, и у меня нашлась на судне колода карт. Так я на каждую снасть привязал поскорее по карте, привел яхту к ветру и повторил маневр.

– К повороту приготовиться! Развязать тройку пик, подтянуть валета червей, смотать десятку трэф...

И, знаете, поворот удался на славу, и этот Фукс действительно так в картах разбирался, что в темноте другой раз и по масти не путал.

Вот так и пошли дальше. Идем, лавируем. Ветер крепчает. Так бы оно ничего, но селедки меня беспокоят. Кто их знает, как они переносят погоду? А мне не к спеху, груз не срочный, так зачем рисковать? Я решил отстояться в порту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.